

АННА ЯБЛОНСКАЯ "Утюги"

драма

Действующие лица:

Гладильщик – Саша, молодой человек, 25 лет, коллекционер несуществующих флагов и старинных утюгов. Коля – его младший брат, 9 лет. Коля заикается, но время от времени его речь становится чистой.

Мама – их мама, пожилая женщина.

Дядя – Иван, их дядя, пожилой мужчина, начальник спасательной станции на острове.

Профессор Шекли – английский коллекционер и путешественник, 50 лет, холеный и спортивный мужчина, муж Марии.

Мария – жена профессора, русская, 30 лет.

Действие спектакля разворачивается на острове – недалеко от материка. Этот остров - словно пограничная зона, последнее пристанище, отделяющее его жителей от воображаемой границы. Граница - не государственная, она скорее эмоциональная. Это линия, предел, на котором постоянно балансируют герои спектакля, рискуя сорваться в пустоту.

Остров представляет собой крохотный и довольно пустынный клочок земли, на котором расположен малонаселенный рыбацкий поселок.

Островитяне – рыбаки - живут тем, что выходят в море на своих маленьких лодках, ловят рыбу и везут продавать ее в город - на материк.

Это очень абстрактный остров, его как будто не существует на карте и герои спектакля ощущают эту географическую иллюзию постоянно. Они не просто окружены водой, это - нечто большее, чем вода.

Островитяне все время пытаются убедить самих себя в том, что они – живы.

АКТ 1

Посреди сцены - гладильная доска. Перед доской, лицом к зрителям стоит человек в полосатом костюме, напоминающем тюремный.

Это - гладильщик Саша.

Небольшим, почти игрушечным старинным утюгом он гладит флаги несуществующих стран. Гладильщик аккуратно стелет и отпаривает их, точными движениями скользя по шелковым прямоугольникам.

СССР, ГДР, Югославия, Чехословакия, Йемен, Арабская Республика, Тибет...

Рядом на доске стоит огромный чугунный утюг и старинный чайник.

Гладильщик то и дело прикладывает к носику: хлещет кипяченую воду прямо из чайника.

Гладильщик тихо напевает себе под нос «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес не дом и не улица, мой адрес...». Гладильщик силится вспомнить окончание фразы, но никак не может, и опять начинает строчку сначала.

Справа от гладильной доски установлен шлагбаум. Верхом на деревянной красно-белой палке сидит мальчик Коля. Мальчик Ему кажется, что он скачет на лошади, причмокивает, кричит «НО», вонзает невидимые шпоры в бока шлагбаума, который опускается и поднимается, исполняя функцию качелей.

Слева от гладильной доски стоит приземистый деревянный домик – что-то вроде скворечника, выкрашенного черно-белыми полосами. Домик напоминает КПП на границе. Из маленького круглого отверстия под крышей домика то и дело высовывается оранжевая пластмассовая кукушка. Она оглядывается по сторонам, болезненно дребезжит, но не издает ни звука.

Кукушка «заедает». Позади дома – силуэты деревьев, а между ними торчат пустые флагштоки.

За спиной гладильщика, где-то далеко, словно в тумане виднеется нос небольшого разбитого корабля, задрапированного рваной рыбацкой сетью. Корабль то исчезает, то появляется в голубоватой дымке.

Слышен шум моря.

Гладильщик аккуратно, двумя пальцами складывает выглаженные флаги.

ГЛАДИЛЬЩИК (задумчиво плюет на утюг) Гладильная тоска.

Из домика слышится голос пожилой женщины. Это Мама.

МАМА. Коля, давай домой! Ты уроки даже не начинал!

КОЛЯ. Ма, я еще немножка!

МАМА (раздраженно) Я кому сказала! Быстро домой! А то вырастешь таким же бездельником, как твой брат. Всю жизнь старое барахло по чердакам собирать будешь!

Гладильщик очень спокойно реагирует на слова Мама. Ясно, что он слышит их не впервые. Мальчик Коля нехотя спрыгивает со шлагбаума и идет в сторону дома мимо гладильной доски.

КОЛЯ. Это че за флаг?

ГЛАДИЛЬЩИК. Бирмы.

КОЛЯ. И че ее тоже уже нет?

ГЛАДИЛЬЩИК. Ну почему ...есть. Только она теперь называется по другому – Мьянма - и флаг у нее другой...

КОЛЯ. А зачем изменили?

ГЛАДИЛЬЩИК. Пришла хунта, захватила власть...

КОЛЯ. Кто пришел?!

ГЛАДИЛЬЩИК. Хунта.

КОЛЯ. (кричит) МАМА, а что такое хунта?!

МАМА (крик из дома) Коля! Быстро домой!

ГЛАДИЛЬЩИК. Хунта – это военная диктатура. Ты почитай-почитай... Все равно двояк исправлять надо.

КОЛЯ.(с живым интересом) А эта ху...нта...она...людей убивала?

ГЛАДИЛЬЩИК. Убивала.

КОЛЯ. Ага. Тогда почитаю. Только я все равно понять не могу: на фига ты эти флаги собираешь? Стран этих уже нет...

ГЛАДИЛЬЩИК. А на фига ты на шлагбауме катаешься?

КОЛЯ. Не знаю. Мне кайфово.

ГЛАДИЛЬЩИК. (печально) Вот и мне. Кайфово.

МАМА (уже на срыве) Коля!!!

Коля бежит в дом. Через некоторое время из дома выходит МАМА. Она держит в руках еще один громадный утюг, но на этот раз – бронзовый.

МАМА. Сколько раз я тебя просила не класть эти гробы на плиту!!

ГЛАДИЛЬЩИК. Ма, это не гробы. Это утюги. Ты же знаешь, их углями нагревать нужно или в печь закладывать, а у нас ни того, ни другого.... Вот я и грею на плите, зато они потом целый час тепло держат, можно выгладить столько флагов... Это не гробы... Зря ты так, Ма. Они очень хорошие. Красивые. Старые. Они много денег стоят.

МАМА. Чего ж тогда их никто не купит? Чего я на одну пенсию вас обоих тащу?! Колька без отца растет, а ты...

ГЛАДИЛЬЩИК. А я - тоже.

Гладильщик целует Маму.

МАМА (притворно строго) ...Лоб здоровый! Двадцать пять лет! Утюги собираешь! Ты пойми - я не вечная. Помру – кому Колька нужен будет?!

ГЛАДИЛЬЩИК. Мне нужен.

МАМА. Саша, я прошу тебя! Брось ты эти забавы: флаги, утюги, чайники... Пойди на работу...

ГЛАДИЛЬЩИК. На спасательную станцию?

МАМА. Дядя давно тебя зовет!

ГЛАДИЛЬЩИК (медленно, четко, зло) Он мне – не дядя. Убивать меня будут – не пойду к нему.

МАМА. Убивать его будут! Мало тебе горя!! О брате подумай!

ГЛАДИЛЬЩИК. А я думаю. Я думаю!!! У нас скоро появятся деньги. Много. Все изменится. Колька в городе учиться будет, я дом отремонтирую, лодку...

МАМА. (умоляюще) Не надо лодку!

ГЛАДИЛЬЩИК. Тебя подлечим...

МАМА. Да на какие деньги?

ГЛАДИЛЬЩИК. (словно выдавая страшную тайну) Я продам некоторые утюги из коллекции.

МАМА. Да кому нужен этот металл?! За все твои железяки не дадут одного нормального – с отпаривателем! А мне бы в хозяйстве ...

ГЛАДИЛЬЩИК. Ма, ты не понимаешь! Ни одна из этих пластмассок не сравнится с моим раритетом! Ты вот не веришь, а скоро сама увидишь... я списался с одним профессором из Англии. Он известный коллекционер. Так вот он, когда услышал о моей коллекции, сразу сказал, чтобы я больше ни с кем не вел переговоры, что он скоро приедет и выкупит утюги... Его особенно интересует чугун, частично - бронза...

МАМА. Да кто сюда приедет – в нашу глушь-то – на остров - за твоими утюгами?! Саша! Совсем с ума спятил?! Какой еще профессор?! Утюголог!

Неожиданно с моря слышится шум мотора.

МАМА. Не пойму... Катер что ли почтовый?... Так сегодня только среда, а он по пятницам...

Сквозь шум ветра доносятся звуки голосов, похожие на иностранную речь.

Появляются Профессор Шекли и его жена – Мария.

Профессор Пол Шекли – англичанин - высокий светлый человек с умными пронзительными глазами, хорошо говорит по-русски. Ему около пятидесяти лет, но выглядит он намного моложе. Профессор прекрасно сложен. Его пшеничная голова только начинает лысеть, но это его совсем не портит. Профессор весел.

Ясно, что здесь - на чужой земле - ему все в диковину. Он воспринимает окружающий мир и населяющих его людей, словно они - музейные экспонаты, а не живые существа со своими судьбами и эмоциями. Такой подход делает его несколько циником, тем ни менее профессор довольно тонко чувствует ситуации, людей, отношения.

Мария Шекли – жена профессора – русская женщина двадцати восьми-тридцати лет. Изящная, легкая, в модном платье, в туфлях на каблуках, с крохотной сумочкой. На шее у миссис Шекли - голубой шифоновый шарф. Она давно живет за границей, и это путешествие – первый ее приезд на Родину за долгие годы. Маша явно взволнована, ее теснят переживания – от дикой радости до удушливой меланхолии. Она как будто немного пьяна.

ПРОФЕССОР. (английский акцент) Простите, я...правильный адрес? Остров Полынь, улица Гоголя, дом двенадцать? Алекс...Коллекционер... Мы ...по поводу утюгов...

ГЛАДИЛЬЩИК (взволнованно). Я – Александр! (смотрит на Маму) Я же тебе говорил! (профессор) Здравствуйте... Здравствуйте! Я Вас ждал!

ПРОФЕССОР. Очень рад...Пол...очень рад...а это моя жена – миссис Шекли...Мария... Не обижайтесь... Меня первым делом интересует тот утюг, который вы говорили ..чугун...для льна и ситца...с венециями... А...О Боже! Вот он!

Профессор видит на гладильной доске большой чугунный утюг и кидается к нему. Он прикасается к чугуну так, словно это хрупкий цветок, внимательно рассматривает, ласково прикасается к старинным венециям.

ПРОФЕССОР. О, great!

Мама выпучивает глаза, увидев в какое восхищение приходит профессор от «металлолома».

МАРИЯ (без акцента, протягивает руку Гладильщику) Маша. (улыбается Маме) Здравствуйте.

ГЛАДИЛЬЩИК. Саша. Очень приятно.

МАРИЯ. (искренне) И мне. Правда.

ПРОФЕССОР (целует руку ошолобленной Маме, не выпуская из своих рук утюг) Очень рад познакомиться... Пол... (Гладильщику) Я вижу у вас есть на что посмотреть...Я думаю сразу приступить к осмотру Вашей коллекции, но нужно немного отдохнуть... Мы двое суток в дороге... скажите, где тут какой-то...хотел...ночевать...остановиться...Хотел...

МАМА. (никак не может прийти в себя) Хотел - что?

ПРОФЕССОР. Хотел...

МАРИЯ. Он хочет сказать – отель, гостиница... Я говорила с людьми на станции... Катер будет только завтра утром, так что до завтра нам не уехать, нужно найти ночлег... (улыбается) Вы покажете, где здесь гостиница?

ГЛАДИЛЬЩИК. (растеряно) Гостиница? У нас...нет гостиницы...

ПРОФЕССОР. Как нет? Нет гостиницы? Хотел? Нет?

ГЛАДИЛЬЩИК. Нет...

Из дома выбегает Коля, услышавший незнакомые голоса. Он смотрит на профессора и его жену со жгучим любопытством, оббегает вокруг чемоданов, приглядывается к заграничным наклейкам.

ПРОФЕССОР. (снова обращаясь к утюгу) О! Miracle!

КОЛЯ (Маме) Ма, это кто? Ма, они что – иностранцы?

МАМА. Тише! Не ори! Это неприлично!

МАРИЯ. (присаживаясь на корточки, Коле) Привет. Тебя как зовут?

КОЛЯ. Николай.

МАРИЯ (протягивает Коле руку) А я Маша.

Коля с удивлением, ужасом и радостью жмет ее холеную белую руку, глядя на нее во все глаза. Мальчик замирает от восхищения, ощущая ореол Машиных духов. Он мгновенно влюбляется в миссис Шекли.

МАРИЯ. Если нет гостиницы... Может быть кто-то из местных сдаст комнату?... Нам бы только переночевать... Ничего не нужно особенного. Просто тепло и вода горячая...

КОЛЯ. Комната? Так у дядьки комната свободная...

ГЛАДИЛЬЩИК (раздраженно) Нет! К нему они не пойдут...

МАМА. Так в чем вопрос? Зачем Вам комната? Оставайтесь у нас, раз вы к Сашеньке приехали! У нас места немного, но зато уютно. К тому же я вас таким борщом накормлю, которого на всем острове не найдете.

ГЛАДИЛЬЩИК. (убедительно) И на материке Евразия - тоже.

ПРОФЕССОР. Борщ? Что такое борщ?

МАРИЯ. Пол, это...такое блюдо... Красный суп из свеклы... Очень вкусный...

ПРОФЕССОР. Красный суп?

МАМА. Да, густой, наваристый, с фасолькой, мяском, лаврушечкой...

ПРОФЕССОР. Лаврушеч...лавршечч...

МАРИЯ. Лавр, лавровый лист...

ПРОФЕССОР. О... Маша...если честно, я очень голоден....

МАРИЯ. (Маме) Нам не хотелось бы...

МАМА. Да, что вы!! Такие гости! Мы будем только счастливы. Правда, Коля?

Коля заливается краской и опускает голову.

КОЛЯ. Правда.

МАМА. Нечасто к нам такие гости... Коля, помоги отнести чемоданы.

ПРОФЕССОР. О, no problem! Я сам!

Профессор берет чемоданы, он хочет унести все сразу, но их слишком много - один все же выскальзывает из рук. Чемодан раскрывается, и оттуда вываливаются легкие шифоновые шарфы – многоцветные, нежные, очень красивые.

МАМА (Маше) Это Ваши?

МАРИЯ. (смущенно) Мои...

МАМА. Ах, какая красота! Вот этот желтый... у меня в молодости был похожий...

Мария поднимает желтый шарф и закрывает чемодан. Маша протягивает шарф Маме.

МАРИЯ. Это Вам.

МАМА. Нет-нет. Не надо! Я сказала это не потому, чтобы вы... Не надо! У меня есть!

МАРИЯ. Пожалуйста! Возьмите. Мне правда хочется сделать вам подарок.

Маша говорит это так искренно, что принципиальная Мама вдруг смягчается. Она растеряно берет шарф из рук девушки и прижимает его к лицу.

МАМА. Спасибо. Не знаю, но вдруг вспомнилось... как вчера... Мама моя рассказывала... Она во время войны работала санитаркой в госпитале. Каждый день видела столько горя, столько мужества... лежал у них один солдатик... Гармонист, умница, для всех у него доброе слово находилось... привезли с осколочным ранением в ногу, ну и как это бывает... началась гангрена... И ничего не оставалось... спасти его нужно было, а как... ногу ампутировать... наркоза не было... медикаментов не хватало... самого необходимого... Ну и что? Влил в него хирург бутылку водки и на стол... так он даже не пикнул... а когда после операции лежал с окровавленной культей, так все сестры плакали, все солдаты, а он песни горланил... Без ноги, говорит, жить можно, а без песни нельзя... а маму попросил домой написать, что жив, здоров... Когда выписывался, она ему костыль выдавала, а он вдруг из кармана достает, как фокусник... вот такой вот шарф... ярко-желтый... как солнце... Роскошный, шифоновый... Откуда он взял его посреди войны, в этой мясорубке? Точной такой же шарф... И говорит: соврал я – можно и без песни, без души нельзя... И подарил ей этот шарф. А мама мне его на восемнадцатилетие... Только он потерялся во время переезда. Спасибо! Спасибо, Машенька! Ну что же мы? Пойдемте в дом!

Мама ведет профессора в дом. За ним следует Коля, который несет чемодан с шарфами – как драгоценность. Мама, профессор и Коля исчезают в доме. Оттуда слышится голос профессора «А что такое костыль?»

Мария подходит к гладильной доске.

МАРИЯ. Вы коллекционируете флаги?

ГЛАДИЛЬЩИК. Да...

МАРИЯ. Но здесь у вас...

ГЛАДИЛЬЩИК. Да, флаги тех стран, которых уже нет на карте...

МАРИЯ. Это принцип коллекции?

ГЛАДИЛЬЩИК. В некотором роде...

МАРИЯ. А можно спросить: почему? Несуществующие страны?

ГЛАДИЛЬЩИК. Сам не знаю. Я часто думаю... Кто-то же должен помнить... По отношению к тем явлениям, которые перестают существовать, всегда появляется подозрение: а вдруг их и не было никогда?

МАРИЯ. Но как же... Ведь есть история, вспоминая, архивы, чьи-то жизни, даже боль... Вот ваша мама сейчас... рассказала то, что происходило с ее мамой - вашей бабушкой в другом времени, в другой стране, полвека тому назад, а все живое... от ее слов...

ГЛАДИЛЬЩИК. Не от слов. От Вашего шарфа. Это тоже флаг. У каждого человека есть свой флаг. Но мало иметь флаг. Должен найтись человек, который твой флаг достанет из чемодана, выгладит, поднимет... Это - пафос момента. И вы с первого раза сумели угадать флаг моей Мамы... Это знак, по-моему. А по поводу истории... Как ни странно, но мне кажется, что и воспоминания, и боль – они абстрактны... Они на самом деле ни к чему не привязаны: ни к каким фактам или событиям... Боль обладает странным талантом: жить своей жизнью. Чтобы существовать, она не нуждается ни в каких доказательствах.

МАРИЯ. А Вы? Вы нуждаетесь?

ГЛАДИЛЬЩИК. Тоже нет.

МАРИЯ. Тогда зачем вы собираете доказательства того, что эти страны все-таки существовали?

ГЛАДИЛЬЩИК. Это не доказательства. Это просто куски материи. Они ценны тем, что никто во всем мире, не станет больше возносить им почести, поднимать на флажках, целовать край...

МАРИЯ. А вы станете?

ГЛАДИЛЬЩИК. Пожалуй, да.

МАРИЯ. Но почему?

ГЛАДИЛЬЩИК. Потому что это забавно. Я и сам иногда сомневаюсь в собственном существовании, и в этом доме, и острове.... Вот сейчас говорю с Вами и не верю, не понимаю, как вы нас нашли – посреди моря... А когда стоишь в центре несуществующего острова и гладишь вот таким почти волшебным утюгом флаг исчезнувшей страны – это как-то даже трезвит... Все становится ясно. Извините. Я несу бред. Вы, наверное, хотите отдохнуть, а я репетирую на вас свою дурацкую теорию... Вы ведь устали?

МАРИЯ. Устала. Нет. Это не бред. И Ваша теория не кажется мне дурацкой.

ГЛАДИЛЬЩИК. Это странно. Но – спасибо...

Из дома выходят профессор, мама и Коля. Они тащат кухонный стол, который ставят посреди сцены – на переднем плане.

МАМА. Поужинаем на свежем воздухе. Погода хорошая.

ПРОФЕССОР. Машенька, здесь очень мило. Пойдем, я покажу тебе, как я устроился...

МАРИЯ. Хорошо, Пол. Идем.

Профессор обнимает жену, они уходят в дом. Мама застилает стол белоснежной скатертью. Из дома слышен приглушенный голос профессора «Нищета и очень тесно. Как они тут живут?».

МАМА. Саша, этот профессор и его жена – это как сон какой-то! Неужели он, действительно, купит у тебя эти утюги?

ГЛАДИЛЬЩИК. Только те, которые я соглашусь ему продать...

МАМА. Саша, только не глупи... Это же...

ГЛАДИЛЬЩИК. Ма, все будет хорошо.

МАМА. Сколько же он за них даст?

ГЛАДИЛЬЩИК. Кажется, дорого. Очень дорого, Ма.

МАМА. Ох, господи, они когда вошли меня чуть кондрашка не хватил... Англичанин – и здесь у нас, на острове... Имя такое смешное – Пол. Еще бы потолком назвали...

ГЛАДИЛЬЩИК. Ма, Пол – это Павел по-нашему...

МАМА. А Маша...жена его – наша ... какая славная... Конечно, у них там таких не сыщешь...Ох. Пусть только все будет хорошо! (крестится)

Мама уходит в дом.

КОЛЯ. Она – красивая. И ты покраснел! Я видел!

Гладильщик дает брату подзатыльник.

КОЛЯ. Дуррак!

ГЛАДИЛЬЩИК. Иди делай уроки!

КОЛЯ. И пахнет от нее, как от.... (делает неопределенный воздушный жест рукой). Как от...неба!

ГЛАДИЛЬЩИК. Давай иди!

Коля идет в дом.

КОЛЯ. Не понимаю, на фига ей этот профессор.

Уходит.

Мама сервирует стол: расставляет белые выщербленные тарелки, тщательно протирает их полотенцем, кладет салфетки, ложки, вилки и, наконец, по центру стола - праздничную белую миску с борщом. Коля тащит и расставляет стулья. Гладильщик прилаживает флаг на центральный флагшток.

МАМА. Садитесь ужинать!

Профессор и его жена выходят из дома и идут к столу. Как только все герои подходят к своим стульям, неожиданно громко начинает играть музыка. Звучит гимн Тибета. Гладильщик медленно поднимает тибетский флаг. Все замирают: Коля и Мама – привычно, Пол и Мария – от удивления.

Звучат последние аккорды гимна. Гладильщик спокойно проходит к столу и, наконец, все садятся.

ПРОФЕССОР. Это что у вас вместо молитвы? Почему тибетский флаг? Ваша семья исповедует буддизм?

МАМА. (крестится) Упаси Господи!

МАРИЯ. Пол, представляешь, Саша коллекционирует флаги несуществующих стран!

ПРОФЕССОР. Правда? Это интересно.

КОЛЯ. Каждый раз мы ужинаем под разными флагами. Вчера был флаг объединенного Йемена, позавчера - флаг СССР...

ПРОФЕССОР. Почему сегодня Тибет?

ГЛАДИЛЬЩИК. Это один из моих любимых. Снежные львы на фоне красных и синих лучей и солнца. Очень красиво.

Мама разливает борщ по тарелкам.

ПРОФЕССОР. Этот флаг официально запрещен.... Я был там, в провинции Ю-Цанг. Видел разрушенные монастыри.

КОЛЯ. Саша, а кто разрушал монастыри?

ГЛАДИЛЬЩИК. До 1949 года Тибет был независимым. В сентябре 49-го Китай без объявления войны вторгся в Тибет. Китайцы захватили восточную часть страны и ее центр, город Чамдо.

КОЛЯ. А разве в Тибете не было армии?

ГЛАДИЛЬЩИК. В Тибете была армия, но она, не могла противостоять многомиллионной армии Китая. Китайцы разрушали тибетские святыни. Пытавшихся защищаться убивали или ссылали в лагерь.

КОЛЯ. У них были лагеря?

ПРОФЕССОР. По некоторым данным они там до сих пор.

КОЛЯ. Но в Тибете был же какой-то там...правитель...король...почему он ничего не сделал?

МАРИЯ. Не король. Далай Лама.

ПРОФЕССОР. Машенька, до этого времени Тибетом правил регент.

ГЛАДИЛЬЩИК. Его Святейшеству Далай Ламе 14-му было тогда всего 16 лет, но он решился и принял руководство страной. Позже тибетскую делегацию в Пекине заставили подписать пакт о мире, который, на самом деле, подразумевал еще большее вторжение.

ПРОФЕССОР. Договор назывался "17 пунктов для мирного освобождения Тибета".

КОЛЯ. И что - они так и не отвоевали свою землю? Ничего не сделали?

ГЛАДИЛЬЩИК. Сделали. Они пытались бунтовать. В результате китайские власти расстреляли на улицах тысячи людей. И много детей.

КОЛЯ. А этот Далала...лайма?

ГЛАДИЛЬЩИК. Далай Лама бежал в Индию.

ПРОФЕССОР. Там в Дхармасале тибетцы организовали Тибетское Правительство в Изгнании.

КОЛЯ. В изгнании? И они до сих пор в изгнании?! Книжка есть?

ГЛАДИЛЬЩИК. Есть. На полке.

Коля вскакивает из-за стола и бежит в дом.

КОЛЯ. Ма, спасибо, очень вкусно.

Коля уходит.

МАРИЯ. А я о Тибете знаю только то, что Новый Год там наступает ровно в шесть часов утра. В это время буддисты в храмах приветствуют друг друга белыми шарфами из шелка или ситца. Эти шарфы – символ чистых мыслей.

ГЛАДИЛЬЩИК (улыбается) А вот этого я не знал!

МАРИЯ. Да вы смеетесь надо мной! (Маме) Очень вкусный борщ. Я такого не ела много лет. Вкусно. Правда, Пол?

ПРОФЕССОР. Да. Хорошо. Вы неплохо знаете историю, Алекс. Я сам историк, специализируюсь на азиатских странах, и удивлен вашим познанием. Увлекаетесь?

ГЛАДИЛЬЩИК. Честно говоря, терпеть не могу историю. Бесплезная наука. Все равно все забудется – рано или поздно. И я подозреваю, что рано...

МАМА. Вы не слушайте его! Это он ради Коли: гимн, флаги, чтоб ему интересней было...

МАРИЯ. Ради Коли?

МАМА. Нет, вы не подумайте, Коля талантливый мальчик, он вообще раньше учился на одни пятерки, но после смерти отца...

ГЛАДИЛЬЩИК (раздраженно) Мама!

МАРИЯ. Извините, я не хотела спрашивать ничего личного....

МАМА. Да это... Как оно в жизни бывает – по всякому...Так вот Коля он...он очень болел.... Сколько мы его по врачам возили...Ну, а когда вернулся в школу, оказалось, что сильно запустил все предметы, особенно историю и географию. Так вот Саша чтобы развлечь его придумал все эти представления с флагами...

МАРИЯ. (узивленно) Так значит...вы делаете это... Как трогательно... И, на самом деле, очень педагогично...Хотя простите...педагогично...глупое какое слово! Просто это очень правильно.

ПРОФЕССОР. Игровой метод. Действенная штука!

ГЛАДИЛЬЩИК.(весело) На самом деле...Вы ведь подумали, что я сумасшедший? Каждый раз перед ужином сумасшедший коллекционер поднимает флаг несуществующей страны. Ведь подумали, что я тронутый, правда?

ПРОФЕССОР. Ну, ну...(улыбается) Ну, немножко... Но теперь все стало ясно...

ГЛАДИЛЬЩИК. То есть стало ясно, что я не сумасшедший? Я делаю это, чтобы моему брату легче давалась учеба, так?

МАМА. Саша!

ПРОФЕССОР. Ну, вы сами сказали...

МАМА. Мы совсем вас заморочили, Машенька! Расскажите лучше о себе.

ГЛАДИЛЬЩИК. Так вот. Вы ошибаетесь. Я не делаю это ради брата. Я делаю это ради себя. Мне это нравится. Мне нравится собирать утюги, гладить ими вот эти флаги и поднимать их над островом...Так что я, действительно, сумасшедший. Я люблю ритуалы. Вы читали этикет флага – международные правила?

МАРИЯ. (опускает глаза) Нет.

ГЛАДИЛЬЩИК. Мне очень нравятся эти правила. Я знаю их наизусть. Некоторые пункты особенно люблю. «При спуске флаг не должен касаться земли или любого другого предмета, кроме рук. Складывать флаг следует аккуратно, уважительно и торжественно.» Слышите? Аккуратно и торжественно! И ничего, кроме рук... Какие слова... «Флаг следует поднимать быстро, а опускать медленно и торжественно.» Опять торжественно, понимаете? И медленно! В этом есть что-то шаманское... «Во время траурной церемонии флаг на какое-то время поднимают до самой вершины и опускают до середины флагштока. Перед тем, как спустить флаг, его поднимают до самой вершины.» Это ведь какая точность! До середины! Ни миллиметром выше или ниже! «Флаг не следует опускать в могилу.» Все просто. Кто же опускает флаг в могилу. Флаг – символ жизни режима. Опустить этот символ в могилу, даже в могилу человека, умершего за этот флаг... «В День Памяти павших в войнах флаг вывешивают приспущенным до полудня, а после полудня до заката поднимают вверх». До полудня. И всё. Дальше время комкает и флаг, и воспоминания...

Повисает неловкое молчание. Профессор смотрит на Гладильщика с интересом врача, наблюдающего редкий диагноз. Мария и Мама чувствуют себя очень смущенно. Гладильщик рассеянно спокоен. Внезапно налетает сильный порыв ветра. Он чуть ли не срывает флаг Тибета, поднимает края скатерти, и шарф на шею Маши.

МАМА. Погода портится. Не нравится мне это.

ГЛАДИЛЬЩИК. (Маше) Вы похожи на Айседору Дункан.

МАРИЯ. Не желала бы ее судьбы.

ПРОФЕССОР. Впервые я увидел свою жену как раз танцующей.

МАРИЯ. (смущенно улыбается) Я играла в самодеятельном театре. У меня была роль без слов. Я изображала ветер. Вылетала из левой кулисы – кидалась по сцене из стороны в сторону, размахивала руками и волосами и залетала в правую кулису. Такая была роль.

МАМА. А как назывался спектакль?

МАРИЯ. Алиса в стране чудес.

МАМА. Разве в этой сказке есть ветер?

МАРИЯ. У нас был. Я вылетала каждый раз, когда нечем было заполнить сцену. Вообще-то роль Алисы предназначалась мне, я репетировала все лето, но напрасно... В последний момент роль отдали любовнице звукооператора, который отказался привезти аппаратуру, если ...ну вы понимаете. Режиссер был в ярости, но другого выхода не оставалось – не на чем было играть премьеру, а афиши уже расклеили...пригласили двух районных начальников, судью, какого-то майора и почему-то директора кладбища.... И он сдался. Ей на тот момент было почти сорок, мне - девятнадцать. Не знаю, представлял ли когда-нибудь Кэрл... Хотя, возможно, он остался бы доволен... Я не видела более сюрреалистичной Алисы...

МАМА. Не понимаю, как сорокалетняя женщина может играть маленькую девочку!

МАРИЯ. В некоторых местах она была убийственно хороша. У нее были очень длинные ноги, похожие на трубы и широкие плечи. Когда она произносила слова из монолога, можно было умереть со смеху...

ГЛАДИЛЬЩИК. Какие именно слова?

МАРИЯ. «Все страньше и страньше! Я теперь раздвигаюсь, словно подзорная труба. Прощайте, ноги!» А я носилась вокруг нее, изображая ветер. Хотя о том, что я ветер, вряд ли кто-нибудь догадывался.

ПРОФЕССОР. Я догадывался! Это нельзя ни с чем спутать. Ветер. А я еще не хотел идти на этот спектакль.

МАМА. А как вы оказались ...у нас...здесь?

ПРОФЕССОР. Я изучал домашний быт купечества в уездных городах. Писал монографию. Рылся в архивах, объездил сотни маленьких музеев по всей стране... Именно тогда я начал коллекционировать всякую утварь... Посуда, прялки, колокольчики и, наконец, утюги. Русские утюги поразили меня. Однажды мне рассказали о человеке, он работал директором кладбища в Энске, увлекался краеведением, историей, собрал большой архив, много интересных сведений о людях, живших в Энске сто-двести лет назад... Я к нему приехал. Он жил прямо на кладбище – недалеко от старинной церкви. Его дом был...просто как из кино... из фильма о призраках... Он поил меня водкой целый день, а вечером объявил, что мы идем в театр. Я не мог представить, как могу явиться в театр в таком виде. Даже не знаю, как он уговорил меня. Но я благодарен ему, как никому в жизни. Мы сели в первом ряду и мне сделалась совсем нехорошо, я не понимал, где нахожусь...Но когда на сцену выбежала Машенька и стала летать, изображая ветер, я...как это называется...я...

МАМА. Протрезвел?

ПРОФЕССОР. Точно! Протрезвел!

ГЛАДИЛЬЩИК. Если слишком долго держать в руках раскаленную докрасна кочергу, в конце концов, обожжешься; если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца обычно идет кровь; если разом осушить пузырек с пометкой "Яд!", рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание. Мария смеется.

ПРОФЕССОР (недоуменно) Что, простите?

МАРИЯ. Это из сказки. Из Алисы! Она разглядывала пузырек, искала табличку с надписью «ЯД».

ПРОФЕССОР. Вы знаете наизусть эту сказку?

МАМА. Да, что вы! У Саши очень странная память. Еще в детстве он выхватывал и запоминал какие-то абзацы из старых газет, куски стихотворений, странные названия... Они то и дело всплывают у него в памяти. Зато он постоянно забывает выключать на кухне кран. Не помнит элементарных вещей и порой затрудняется ответить Коле, сколько будет семью восемь.

Опять налетает сильный порыв ветра. Слышны истошные крики чаек.

Профессор комкает салфетку.

ПРОФЕССОР. Спасибо. Очень вкусно. Александр, вы не будете против, если мы прямо сейчас приступим к осмотру коллекции?

ГЛАДИЛЬЩИК. Хорошо. Я только помогу маме убрать со стола.

МАРИЯ. Я помогу!

МАМА. Ну, что вы! Не нужно! Я сама управлюсь.

МАРИЯ. Я помогу.

Мария быстро поднимается и очень ловко собирает всю посуду. Гладильщик и Профессор идут в дом.

МАРИЯ. Спасибо за прекрасный ужин. Мне очень неловко. Кажется, мы обидели Сашу.

МАМА. Да, ну что вы! Все хорошо. Просто он всегда нервничает, если я заговариваю об отце

МАРИЯ. Что с ним случилось?

МАМА. Он погиб во время шторма. Утонул.

МАРИЯ. Боже мой!

МАМА. Это произошло три года назад. А мы вот как-то...до сих пор не можем поверить...прийти в себя. Все как-то знаете... Вот вроде бы уже свыклись, приняли эту смерть, и живем, а бывает, голову поднимешь, в небо глянешь и думаешь: да нет! не может быть! ...Я все ждала поначалу, ходила на берег выглядывать: не покажется ли лодка? думаю, вот сейчас он приедет, мы сядем ужинать... Коля после смерти папы стал заикаться. А Саша молчит. Все время. Только я знаю, что он во всем винит Ивана - дядю... Иван работает начальником спасательной станции. Он в тот день предупредил Мишу, что нельзя выходить в море - будет шторм. Но тот решил, что успеет, у Кольки на следующий день были именины, он хотел купить в городе железную дорогу, Колька мечтал... А шторм начался страшный, невыносимый... Саша прибежал на станцию, просил, чтобы спасательная бригада немедленно вышла в море, но Иван – ни в какую.... Сказал, что не может рисковать людьми, что остается только ждать, что есть надежда... Но когда шторм окончился и спасатели вышли на поиски – они нашли только обломки лодки, а через два дня к берегу прибило труп...

МАРИЯ. (опускает голову) как это страшно...

МАМА. Да...

Мама и Мария уносят посуду в дом. Гладильщик расставляет на столе батарею утюгов – от самого здорового, весом не меньше 10 килограммов, до крохотного, уместяющегося на ладони. Появляется Профессор. Он наклоняется над столом и сквозь прицел утюгов глядит на зрителей. Гладильщик ходит вокруг стола. Мария стоит у порога дома и смотрит на Сашу.

ГЛАДИЛЬЩИК. Вот этими утюгами каждое утро я глажу свой остров. В конце лета, когда небо дребезжит под грузом наваливающейся жары, я разглаживаю его вот этим чугунным с железной крышкой. Сто лет назад его уронила хозяйка. Хрупкий панцирь лопнул, и она отдала утюг мастеру - тот выковал крышку из железа. Я его не нагреваю. Остужаю им вечера в конце короткого душного августа. Но когда последний лоскуток зноя растворяется в съезженном осеннем дыхании, я беру вот этот, похожий на морской паром. Сзади у него отверстие, а внутри он абсолютно пуст. Я загоняю внутрь раскаленный брусок и легко прохожусь по сизовой осенней поверхности. Никто не знает, почему в конце сентября на остров вдруг возвращаются теплые дни. Я знаю. Я нагреваю островное небо вот этим паромом и на какое-то время продлеваю негу. Но брусок не может долго удерживать солнце. Мои чугунные и бронзовые солдаты остывают, как павшие воины в великой войне с зимой. Это Неизбежность. И тогда мне ничего не остается. Я беру десятикилограммового монстра, и, обливаясь потом, глажу тяжелое шинельное сукно февраля. Это трудная и почти напрасная работа. Иногда мне удается чуть-чуть подтопить снеговую скатерть, но никогда еще не получалось заставить солнце высвободить в середине зимы хотя бы парочку безветренных дней... Оно светит ярко, низко и холодно. Шинель зимы хрустит тонкой обледенелой коркой. Я чувствую себя бессильным. И когда мой напрасный труд принимает форму отчаяния и руки немеют от одной мысли о новом полотне, утюг вдруг замирает на краю зимы, с шипением растворяя остатки грязного снега. То, что

казалось нескончаемым – вдруг оканчивается. В марте все еще зябко, но у весны нет другого платья, кроме ситцевого, с рюшками, кружевами... И вот тогда, дрожащими руками, больше всего на свете боясь прожечь тонкую почти прозрачную ткань, я нагреваю этот утюжок... Он крохотный, весит всего двадцать грамм... Восемьдесят шесть лет назад две девочки – дочери священника гладили им платьица для своих кукол. А теперь я разглаживаю облачение Весны. Это самое счастливое время. Это единственное время, когда мне кажется, что вместо ситца под моим кукольным утюжком трепещут крылья бабочек и от их прикосновений в мир возвращается тепло, он рождается заново...

ПРОФЕССОР. Сколько вы за него хотите?

ГЛАДИЛЬЩИК. Этот экземпляр не продается.

ПРОФЕССОР. Как? Как это не продается?!

ГЛАДИЛЬЩИК. Так. Не продается. Я нашел этот утюг у покойной старухи, швеи... Ее знал весь поселок – она когда-то шила паруса...очень давно... Мам, ты помнишь, она рассказывала, как играла с сестрой?... Она делала платьица для кукол из одуванчиков и обрывков кружев, а сестра гладила их. Старуха смеялась, говорила, они очень дрались из-за этого утюга, однажды даже поклялись никогда не разговаривать друг с другом, мол, больше не сестры, враги до гроба... Они всю жизнь прожили вместе, очень любили друг друга... Когда сестра умерла – швея сильно заболела и умерла следом меньше чем через год... Перед смертью она позвала меня и подарила этот утюжок. Знаю, говорит, отдаю в хорошие руки. Обещай только не продавать. Я обещал.

ПРОФЕССОР. Но я дам хорошую цену. Тысячу. Две. Назовите сами.

ГЛАДИЛЬЩИК. Нет. Возьмите этот паром или вот этот - бронзовый.

ПРОФЕССОР. Но мне нужен маленький. Я давно искал такой. И в Нью-Хэмпшире, и в Мельбурне, и в Токио. Вы успокойтесь и просто подумайте, какие деньги можете за него выручить.

ГЛАДИЛЬЩИК. Он не продается.

ПРОФЕССОР. Три тысячи!

МАМА. Саша! Саша!

ГЛАДИЛЬЩИК. Извините, профессор.

ПРОФЕССОР. Пять.

МАМА. Сашенька, ради Бога, подумай... Мы могли сделать ремонт и Коленке... на учебу, а ты...

ГЛАДИЛЬЩИК. Мама. Я обещал.

ПРОФЕССОР. Но эта старуха умерла.

ГЛАДИЛЬЩИК. Значит, смерть – повод для предательства?

ПРОФЕССОР. Ну, зачем же так? Я просто предлагаю Вам выгодную сделку. Подумайте о своей семье.

ГЛАДИЛЬЩИК. Я постоянно о ней думаю. Вы говорите о выгоде. Для меня выгодно остаться верным слову. Я часто нарушал самые разные обещания, и нарушать еще одно не хочу. Этот утюг не продается.

Саша уходит в дом.

ПРОФЕССОР. Это очень странно. Я не хотел ссориться. Но я же приехал сюда по делу. И Александр знал об этом. Я надеюсь, он все-таки передумает?

МАМА. Гм... Понимаете... Вы не обижайтесь. Просто Саша много пережил... Он нервный, мнительный...

ПРОФЕССОР. Я понимаю, но я тащился сюда...в такую даль...

МАРИЯ. Пол!

ПРОФЕССОР. Ну, что?

МАРИЯ. У него есть много других утюгов!

ПРОФЕССОР. Мне они не нужны. В моей коллекции есть более интересные экземпляры для глажки шинельного сукна, с одной ручкой и съемными корпусами, есть старинный рубель для разглаживания льна, а вот двадцатиграммового кукольного утюжка нет. Он мне нужен. Я его получу.

Гладильщик выходит из дома. Он держит в руках еще один утюг и какой-то журнал.

ГЛАДИЛЬЩИК. Возьмите лучше вот этот. Редкая штука. Рекламировался в журнале «Нева» за 1913 год.

Смотрите, сюда в отверстие заливается спирт. Поджигашь фитиль - пламя греет металлический корпус.

Таких нигде нет. Я готов отдать его за очень умеренную цену и вот этот журнал – бесплатно.

ПРОФЕССОР. Да, действительно, редкая модель. Но она есть в моей коллекции. Я нашел ее как раз у того директора кладбища, о котором рассказывал за ужином. Но я готов приобрести его, если вы продадите мне кукольный. Подумайте. Или знаете что? Я знаю, это вам понравится! Я куплю у вас все утюги. Сразу. Оптом.

Даю двадцать тысяч.

МАМА. А-а-а!

ГЛАДИЛЬЩИК. Нет, это.... Столько не нужно.

ПРОФЕССОР. Так вы согласны?

ГЛАДИЛЬЩИК. Согласен. Но кукольный не продается.

ПРОФЕССОР (несколько зло) Да что ж такое?! Я приехал в эту...как это по-русски ...тьму...тьфу...Тмутаракань, на этот чертов остров...

МАМА. Саша!

ГЛАДИЛЬЩИК. Мне жаль, если для вас этот остров – чертов. Для меня он Божий. Также, как и все острова на свете, включая Англию, если она вообще существует!

МАРИЯ. Она существует, Саша.

ГЛАДИЛЬЩИК. Да? А я существую? Я существую, если постоянно предаю свои обещания, обещаю и вру, обещаю и вру?... Существую я или нет?! Хочу быть человеком. Не за деньги. За просто так.

МАРИЯ. Я вас понимаю.

ГЛАДИЛЬЩИК. А я нет.

Налетает еще более сильный порыв ветра. Чайки кричат истошно. Из дома выбегает Коля. В его руках два красных флажка.

КОЛЯ. Саша, потренируй меня еще. Не могу запомнить буквы «Ж» и «М».

МАМА. Коля, не сейчас...

МАРИЯ. А что это за флажки?

КОЛЯ. Семафорные.

МАРИЯ. Передавать сигналы на море?

КОЛЯ. Да.

МАРИЯ.(Саше) Вы учите его семафорной азбуке? Здорово. А я с детства мечтала научиться...

КОЛЯ. Я могу показать тебе!

ПРОФЕССОР. Послушайте. Деньги у меня с собой. Двадцать тысяч. Я могу расплатиться прямо сейчас. Я плачу сейчас, а утром мы уплываем. Грузим утюги на катер и уплываем. А вы остаетесь – богатый и счастливый. Подумайте!

Новый порыв ветра. Внезапно появляется пожилой крепкий, немного подвыпивший мужчина. Это дядя Ваня.

ДЯДЯ. Штормовое предупреждение. Назавтра объявлено штормовое предупреждение... Никуда вы не поплывете.

МАМА. Иван! Здравствуй. Коля, поздоровайся с дядей...

Коля нехотя идет к дяде. Он то и дело оборачивается в сторону брата, но тот стоит, опустив голову.

ДЯДЯ. Привет, Колян. Как живешь? А что же ты, Саша, не здороваешься? Руки мне не подашь?

Гладильщик поднимает голову. Он весь красный, дрожит.

ГЛАДИЛЬЩИК. Не подам!

Гладильщик поворачивается и бежит к морю. Мама пытается его остановить, но он исчезает очень быстро.

МАМА. Извините его... Знакомьтесь, это Иван.

ДЯДЯ. Иван. Можно просто Ваня... Сс-сударыня... (целует Марие руку) С-сударыня...

Профессор тбирает у Ивана ладонь своей жены и протягивает ему свою не очень дружелюбную руку.

ПРОФЕССОР. Пол.

ДЯДЯ. (смотрит в землю) Что – пол?

МАМА. Пол, это имя такое... Имя.... Английское...

ДЯДЯ. А... Пол! Пол... В смысле – Павел...А я – Иван... Забавно. Если соединить вместе наши имена, то получится Иван-Павел... Иоанн-Павел Второй – как покойный Папа Римский... Покойный Папа. Я – Иоанн, а ты – Павел... Для полного соответствия нужно, чтобы один из нас стал папой, а другой – покойником... Мне уже поздно... папой...дожил до полтинника, а детей нет...как-то все...значит я буду покойником...римским, а ты Пол – папой...вон какая у тебя жена красивая...родит тебе кого-нибудь....

МАМА. Иван! Я прошу тебя!

ДЯДЯ. Нет, ты подумай! Смешно ведь? По-русски – Иван-Павел, по-английски – Джон-Пол, а по-французски – Жан-Поль... Как Бельмондо...

МАМА.(Марии и Полу) Вы извините его... Он вообще не пьет...

ДЯДЯ. Пью-пью... Кстати, профессор...

МАМА. Иван!

ДЯДЯ (поднимает Колю на руки и начинает кружить) А-а-а... Пол. А я думал – с полом что-то...Прохудился....Вот... А я вот ихний дядя. Дядя Ваня. Они меня раньше любили – племяннички, Колька и Сашка... А теперь – нет. Теперь не любят...

Выпивший дядя спотыкается и еле удерживается на ногах, Коля чуть не упал.

МАМА. Иван, оставь его! Коля иди в дом.

ДЯДЯ. Нет, нет... Куд..куда? давай я тебе покажу, как нужно флагами...давай...(отбирает у Коли флажки) Вот смотри, это буква «А»...

Дядя пытается показать букву «А» согласно семафорной азбуке. Но слишком замахивается руками, не удерживается на ногах, падает. Коля убегает в дом. Мама идет за ним следом.

МАРИЯ. Давайте, я помогу Вам.

ПРОФЕССОР. Маша, не нужно. Сам поднимется.

ДЯДЯ. Тут ты прав. Поднимусь.

Дядя с трудом встает.

ДЯДЯ. Больно.

МАРИЯ. Ушиблись?

ДЯДЯ. Н-да...(бьет себя кулаком в грудь) Вот здесь болит...здесь ушиб... В душе. Гематома. Пол, а давай выпьем, а?

ПРОФЕССОР. Нет, я...

ДЯДЯ. Пожалуйста.

МАРИЯ.(профессору) А и правда. Выпей с ним, Пол. Выпей. Полегчает.

ПРОФЕССОР. Я не пить сюда приехал! Я хочу купить этот чертов утюг и уехать...к чертовой матери!

МАРИЯ. Ты стал ругаться, как русский...Не надо так. Вокруг все-таки люди, а не утюги.

ПРОФЕССОР. Я в этом не уверен.

ДЯДЯ. У меня есть хороший коньяк. Не отказывайся, Пол... Ты же все-таки не Папа Римский...

ПРОФЕССОР. Мне нужно поговорить с этим парнем...

МАРИЯ. Оставайся здесь. Я поищу его.

ПРОФЕССОР. Если найдешь – попробуй уговорить его...

Мария идет в сторону моря. Воеет ветер.

АКТ 2

Берег моря. Начинается шторм. Сумерки. Брызги. Ветер. Обломки разбитой лодки. Вдали, в глубине сцены – силуэт дома семьи Гладильщика, виднеются флагштоки. Гладильщик и Мария.

МАРИЯ. Холодно.

Мария достает из сумочки сигареты и зажигалку. Гладильщик набрасывает Маше на плечи свою куртку.

ГЛАДИЛЬЩИК. Вы курите?

МАРИЯ. Давай на ты, а? Курю. В тайне от мужа. Профессору это не нравится. Мы ведем здоровый образ жизни..

ГЛАДИЛЬЩИК. Ясно.

МАРИЯ. Вряд ли тебе ясно.

ГЛАДИЛЬЩИК. Мне ясно...вы...ты пришла меня уговаривать, чтобы я продал утюжок.

МАРИЯ. Правильно. Пришла. Но уговаривать не буду. Наоборот. Забавно, если ты окажешься исключением.

ГЛАДИЛЬЩИК. Исключением откуда?

МАРИЯ. Столько раз видела, как Пол пытался купить что-то, что не продавалось. И, в конце концов, он всегда получал то, что хотел.

ГЛАДИЛЬЩИК. ...и тебя?

МАРИЯ. (закашливается) Я...я...я не продавалась.

ГЛАДИЛЬЩИК. Простите... Я не то имел в виду.

МАРИЯ. Не то? А что?

ГЛАДИЛЬЩИК. Не знаю.

МАРИЯ. Знаешь!

ГЛАДИЛЬЩИК. Не знаю!!!

МАРИЯ. Думаешь, я клюнула на богатенького иностранца? Да?

ГЛАДИЛЬЩИК (внимательно).А вы...ты другая. Ты здесь со мной – другая. Чем там – в доме. Другая... Как все меняется! Извини...

МАРИЯ. Нет, я не другая, я ведь и правда «клюнула». Именно клюнула. Меня в детстве дразнили дроздом. Я была худющая и вот с таким носом. И говорила – как клевала. Мой отец пил. И все мужчины, которых я видела в детстве, все были пьяные. Я так долго боялась всего этого, что до пятнадцати лет ни в кого не могла влюбиться. Ну, вообще никак. По ночам даже плакала. Так хотелось... Хоть кого...хоть собачку рыжую. Молилась Богу. И домолилась. Такой был мальчик. Хороший. На тебя похож. Кстати.

ГЛАДИЛЬЩИК. И что?

МАРИЯ. Что? Да ничего. Я его видела всего четыре раза. Один раз он приходил к нам в театр, второй раз на дискотеке - мы танцевали медленный танец под какую-то дурацкую песню и у меня сердце прыгало где-то в коленях, и хотелось сдохнуть – так было хорошо. Потом он пригласил меня в кино. На фильм про войну. Мы сидели одни в последнем ряду. Я все время жмурилась. Глотала пустоту. Ждала поцелуя. Но он был очень увлечен стрельбой.

ГЛАДИЛЬЩИК. А в четвертый раз?

МАРИЯ. Ты читал Бунина «Легкое дыхание»?

ГЛАДИЛЬЩИК. В школе.

МАРИЯ. В последний раз мы виделись на вокзале. Он уехал с родителями в Германию. На ПМЖ.

ГЛАДИЛЬЩИК. А причем тут легкое дыхание?

МАРИЯ. А мне все казалось, что я - Оля Мещерская. Что сейчас кто-то выйдет из поезда и застрелит меня. Какой-нибудь некрасивый поручик.

ГЛАДИЛЬЩИК. Почему? Почему поручик?

МАРИЯ. Не знаю. Жить расхотелось. Поручик?...алебарды, револьвер...не знаю.

ГЛАДИЛЬЩИК. Алебарда?! (смеется) Ты знаешь, что такое алебарда? Это старинное колюще-рубящее оружие. Оно устарело еще в 17 веке. У бунинского поручика никакой алебарды не было, и быть не могло

МАРИЯ. Мне все равно. Мне это слово нравится – алебарда

ГЛАДИЛЬЩИК. Потому что оно рифмуется с бакенбардой?... А что было дальше?

МАРИЯ. Дальше? Дальше ничего. Ничего...Очухалась. Через несколько лет. Когда я впервые увидела Пола, мне показалось, что я вообще в первый раз в жизни вижу мужчину. Он пришел на следующий день после спектакля. С охапкой тюльпанов. Он был такой...я не знаю, как объяснить...здесь даже не подходит слово «идеальный», потому что слово киношное, а он настоящий... простой, сильный. Я как-то очень быстро вся ...наполнилась им. Он так легко переменял мою жизнь, как меняют декорации в кукольном театре. В один час. Сразу. И это ощущение, которого раньше никогда не было... ощущение чуда. Прямо запах... слышишь запах чуда. Так что я клюнула. Я влюбилась. Сильно. До слез. И мы уехали. С тех пор я в первый раз на родине...Вот...Правда...Через время я поняла, что тот человек...с тюльпанами...он немного отличается от этого (указывает рукой в сторону дома) профессора Пола Шекли, коллекционера утюгов... Он бывает расчетливым, жестким, иногда даже ...кажется бессердечным, но это...только кажется, это нормально. Мужчина должен быть жестким. Мне в нем это нравится. Да, нравится.

ГЛАДИЛЬЩИК. Ты как будто сама себя уговариваешь.

МАРИЯ. Я не уговариваю. Я его люблю.

ГЛАДИЛЬЩИК. Я об этом не спрашивал.

МАРИЯ. А можно я спрошу? О каких обещаниях ты говорил? Что ты обещал и не исполнил?

ГЛАДИЛЬЩИК. Много было таких обещаний. Разных. Как у всех.

МАРИЯ. А все-таки.

ГЛАДИЛЬЩИК. Я из года в год обещал себе, что вот... на следующем школьном вечере подойду к ней и скажу, что люблю ее. Это длилось пять лет.

МАРИЯ. И что? Так и не сказал?

ГЛАДИЛЬЩИК. Ну, почему... Сказал. Правда, не на вечере. Однажды осенью - после учебы. Помню, моросило: то ли снег, то ли дождь. Как будто колючки в лицо вгрызаются...Просто подошел и сказал. Неожиданно. Сам не понял как. А она (смеется) посмотрела на меня...и тихо так говорит: отвали. Очень безобидно, спокойно: отвали. Без злобы. Как собаке...

МАРИЯ. И что?

ГЛАДИЛЬЩИК. Полегчало. В момент рассеялась. Улетучилось. Как-то - рраз...и всё. Никакой любви. Это ж надо - столько вытерпеть... А тут - одно отвали, и все: отпускает. Свобода.

МАРИЯ. А еще?

ГЛАДИЛЬЩИК. Что – еще?

МАРИЯ. Что еще обещал?

ГЛАДИЛЬЩИК. Не знаю... Ничего. Обещал отцу, что буду ходить с ним в море. Я с детства моря не люблю. Все пацаны мечтали стать рыбаками, просили отцов, чтоб те брали их с собой, умаляли, а я – ни в какую... Я и рыбу не люблю. Аллергия. Я вообще сухопутный... ..А папа меня в тот день с собой звал. Поедем, говорит, поможешь Кольке подарок выбрать...

МАРИЯ. Железную дорогу?

ГЛАДИЛЬЩИК. (несколько зло) О чем еще мать рассказала?

МАРИЯ. Ты себя винишь в том, что не умер вместе с ним?

ГЛАДИЛЬЩИК. Я мог бы помочь. И ничего не сделал. Ни на воде, ни на земле. Я бездействовал.

МАРИЯ. Сколько можно себя долбать? Ты ни в чем не виноват. Прекращай этот самосуд.

ГЛАДИЛЬЩИК. Я виноват в том, что не смог заставить этого урода отправить спасательную бригаду... Усиливается ветер. Героям приходится почти кричать, чтобы они слышали друг друга.

МАРИЯ. В шторм? Чтобы все погибли?

ГЛАДИЛЬЩИК. Мне все равно. Лишь бы его спасти. Хоть попытаться!!!

МАРИЯ. Думаешь, он был бы счастлив? Если бы все умерли...

ГЛАДИЛЬЩИК. (кричит) Мне все равно! Хоть попытаться! Я тогда был бы счастлив...

МАРИЯ. И ты бы смог?

ГЛАДИЛЬЩИК. Не знаю.

На минуту етер утихает. Мария и Гладильщик тяжело дышат, словно после боксерского раунда. У них на лицах – соленые капли.

МАРИЯ. Если б моя голова и прошла, - подумала бедная Алиса, - что толку!

Кому нужна голова без плечей?

Они молчат.

ГЛАДИЛЬЩИК. Кроме Алисы у тебя были какие-нибудь роли?

МАРИЯ. Да. Роль морской звезды в Капитане Немо.

ГЛАДИЛЬЩИК. Морской звезды?

МАРИЯ. Да.

ГЛАДИЛЬЩИК. И что делала звезда?

МАРИЯ. Лежала. На дне. А ты...ты что-нибудь любишь, кроме утюгов и флагов?

ГЛАДИЛЬЩИК. Нет.

МАРИЯ. А музыку?

ГЛАДИЛЬЩИК. Музыку? Нет. Она вносит смуту в мою жизнь. Я и так между небом и землей. Меня нужно заземлять, кирпичи на ноги привязывать, а музыка она...как будто сидишь внутри ракеты...на взлете... и выйти нельзя, и непонятно – взорвется она или взлетит. Я боюсь музыки... Вот стихи немножко писал.

МАРИЯ. Правда? Можешь что-нибудь прочесть?

ГЛАДИЛЬЩИК. Нет.

МАРИЯ. Почему?.

ГЛАДИЛЬЩИК. Я их не помню. Да и глупо.

МАРИЯ. Не глупо. Прочти. Я очень люблю слушать стихи. Пожалуйста.

ГЛАДИЛЬЩИК. Ну, нет! Я вообще никому никогда вслух этот бред не читал...

МАРИЯ. Ты меня видишь в первый и в последний раз. Здесь никого, кроме нас нет. Берег пустой. Шторм.

По-моему, самое подходящее место и время... Если ты стесняешься – я отвернусь.

ГЛАДИЛЬЩИК. Отвернешься?

МАРИЯ. Обещаю.

ГЛАДИЛЬЩИК. Хорошо. Но не подглядывать.

Мария становится спиной к Гладильщику. Он долго смотрит на нее сзади. Потом подходит ближе и читает ей стихотворение почти на ухо.

ГЛАДИЛЬЩИК. Если поесть нельзя так попробуй

закурить но у нас ничего не осталось

чтобы закурить: иди ко мне моя радость

давай поспим

если закурить нельзя так попробуй

спеть но у нас ничего не осталось

чтобы спеть; иди ко мне моя радость

давай поспим

если спеть нельзя так попробуй

умереть но у нас ничего не осталось

чтобы умереть; иди ко мне моя радость

давай поспим

если умереть нельзя так попробуй

помечтать но у нас ничего не осталось

чтобы помечтать (иди ко мне моя радость

Давай поспим)

Гладильщик берет Марию за руку, быстро поворачивает ее к себе лицом и целует в губы.

МАРИЯ. Нет, не нужно этого.... Я столько времени не была дома... У меня голова кружится. Не надо. Я ведь родилась недалеко отсюда – в ста километрах...Я не была дома много лет. После отъезда. Это у меня безумие. Это пройдет...Не надо.

ГЛАДИЛЬЩИК. Ты, конечно, удивляешься, - сказала Герцогиня, - почему я не обниму тебя за талию. Сказать по правде, я не совсем уверена в твоём фламинго. Или все же рискнуть?

Гладильщик обнимает ее.

МАРИЯ. (пытаясь выбраться) Прекрати цитировать эту сказку! Иначе я сойду с ума.

ГЛАДИЛЬЩИК. (улыбается) Я как бы за того мальчика, который так и не поцеловал тебя в кинотеатре...

МАРИЯ. (слабо улыбаясь) А я как бы за ту девочку, которая еще раз говорит «отвали».

ГЛАДИЛЬЩИК. Ну, это она так – по глупости...

МАРИЯ. Кто?
ГЛАДИЛЬЩИК. Девочка.
Она отстраняется от него. Они ходят по берегу, молчат.
МАРИЯ. Хорошие стихи.
ГЛАДИЛЬЩИК. Да. Это Каммингс. Американский поэт.
МАРИЯ. Что? Так это не твоё стихотворение?! Ты надо мной смеешься?
ГЛАДИЛЬЩИК. Нет, просто хотел произвести впечатление.
МАРИЯ. Произвел.
Молчат.
МАРИЯ. Почему ты живешь здесь – на этом острове – в такой глуши? Почему не переедешь в город?
ГЛАДИЛЬЩИК. В многоквартирный дом?
МАРИЯ. Чем плох многоквартирный дом?
ГЛАДИЛЬЩИК. Там нет чердаков. А здесь в старых покосившихся избах, в деревянных и каменных домах, каждому из которых не меньше сотни лет, везде есть чердаки. Старые письма, фотографии, куклы, утюги, крысы...
МАРИЯ. Ты не уезжаешь из-за крыс?
ГЛАДИЛЬЩИК. А что? Недостаточно веская причина?
МАРИЯ. Ну, просто...
ГЛАДИЛЬЩИК. Разве отсюда вообще можно куда-то уехать?
МАРИЯ. Но ходят же катера!...
ГЛАДИЛЬЩИК. Катера? Когда я говорила «отсюда» я имел в виду это (показывает себе на грудь). От перемены мест сумма не меняется. Никуда я от себя не уеду.
МАРИЯ. Ты возомнил себя графом Монте Кристо?
ГЛАДИЛЬЩИК. Я возомнил себя замком ИФ. И потом – остров идеальное место для моих ритуалов. Где еще я смогу поднимать флаги?
МАРИЯ. Смотри!
В глубине сцены – на крыше дома - сквозь туман прорывается силуэт Дяди. Он машет флажками. Подает знаки.
МАРИЯ. Что он говорит?
ГЛАДИЛЬЩИК (глухо) Ничего.
МАРИЯ. Пожалуйста! Скажи...
ГЛАДИЛЬЩИК. (повторяет его движения руками) Он говорит... Прости меня... Прости меня...Прости меня...
Прости меня
ГЛАДИЛЬЩИК. Я любил его...
МАРИЯ. Тебе его не жаль?
ГЛАДИЛЬЩИК. Мне жаль себя. А он просто пьян.
МАРИЯ. Зачем все себя так мучают?
ГЛАДИЛЬЩИК. Он просто пьян.
Фигура Дяди исчезает в тумане.
МАРИЯ. Давай вернемся.
ГЛАДИЛЬЩИК.
между мной и не мной разрушается карточный мост
и теперь я не знаю, в каком направлении ост
и куда мне идти, если пункт назначения - ист
раздается внутри молодецкий пронзительный свист
и шуршание крыл, и жужжание шершней и ос
на губах замирает молитва, бессвязное: Гос
подь - поди разберись, кто ответит на легкий вопрос:
почему все молитвы спрессованы в емкое SOS?
ну, а я распускаю молчанье заплетенных кос
потому и слышался свист и разрушился мост
и не SOS а СПАСИБО. Спасибо за ист и за ост!
Я иду по мосту. Ты и есть мой единственный мост.
МАРИЯ. Красиво. Тоже этот американский поэт?
ГЛАДИЛЬЩИК. Нет.
МАРИЯ. А кто?
ГЛАДИЛЬЩИК. Идем домой.

АКТ 3

Дом семьи Гладильщика. Комната. В углу - кровать, по центру - два стула, стол, бутылка водки, две стопки. Под потолком, прямо над столом – дверца. Это – выход на крышу. Дверца открыта. К ней приставлена лестница, второй конец которой стоит прямо на столе – рядом с бутылкой водки. По лестнице вниз спускается Дядя Ваня. Он спрыгивает на стол, а потом на пол. Он пьян, у него в руках флажки. Рядом на стуле спит пьяный профессор.

ДЯДЯ. Он меня никогда не простит.

Садится, наливает себе водки.

ДЯДЯ. (профессору) Что мне сделать? А я его и, правда, в детстве ненавидел. Он меня на полтора года младше, но его во дворе все боялись. Все! Даже старшекласники. Вот такой шпендик, а всем давал оторваться. У нас дежурство было. График мытья посуды. Папа в море, мама на работе, а мы, значит, дома... Ну, и придет он, Мишка, и говорит: сделай мне алгебру, а я за тебя сегодня посуду помою. Я говорю: ну, иди мой. А он: сначала сделай. Ну, я, как дурак, делаю. Вот, говорю, я сделал. А он берет у меня тетрадь, отскакивает подальше, ржет и весело так орет в ответ: сделал? а теперь давай – дуй, мыть посуду! Ну, и как-то в очередной раз, я не выдержал – обидно ведь, и в основном за себя, что такой идиот, раз за разом введусь, кинулся на него, а Мишка вертлявый, выскользнул, навалился сверху и давай душить меня пионерским галстуком! И не просто так, понарошку, а именно душить – больно, страшно, задыхаюсь, глаза выпучил, пальцами его от шеи отодрать пытаюсь, а он душит, сволочь, натурально душит, насмерть – и все! И вдруг я нашариваю сзади на тумбочке циркуль, ну и, недолго думая – очень жить хотелось, схватил и воткнул ему прямо в задницу! Мишка как заорет, как завьется, на пол упал, я перепугался – думал насквозь, что-то там ему проколол, по мужской части, но - ничего, живой... А галстук пришлось новый покупать. Растянул он его – просто в бинт. Или вот еще... Совсем малыши были. Любимое его развлечение: пойдет в подвал, подберет дохлую крысу и давай за всеми гоняться, крысу эту за хвост и нам под нос. А мы дико их боялись... Покойников. В смысле - крыс. Ну и, конечно, дёру. Бегаем, визжим. А ему только этого и надо. Откуда у него силы брались? Он гонял нас до изнеможения. А я бегал плохо. Ну, и бывает, чувствую: сердце выскакивает, в боку колит, не могу больше бежать! Падаю на пол, и тут же он со своей крысой, а я кричу: Миша! Я же твой брат!! Я твой брат!! Не надо!!! А он: ну и что?! Ты должен бежать как все!... Он меня никогда не простит. ... Зато если хоть кто-то меня во дворе зацепит – всё. Миша убивал. Просто убивал. Дома утюжил меня, как мог. А во дворе за меня всех лупил на раз.

Выпивает водку.

ДЯДЯ. Не простит. Саша. А потом я влюбился в девушку. Ухаживал за ней. Цветы, конфеты и как-то домой, дурррак, домой привел – с родителями знакомиться, а Миша увидел ее – и все... И жизнь ему не в жизнь. И всё. Ты, говорит, Иван прости меня, только я эту девушку у тебя отобью, потому как нельзя...не могу без нее...не выживу. Она детей от меня рожать будет. И отбил. Отбил, сволочь. Потому что и вправду – не выжил бы. Такой был. Миша. Что мне сделать, чтобы он меня простил? Пойти утопиться?

Входит Мама.

ДЯДЯ. О! А я как раз профессору рассказывал, как тебя Мишка у меня увел.

МАМА (смотрит на профессора). Господи! Да, он же спит давно. Нужно его на кровать перенести! Сейчас я приду!

Мама уходит.

ДЯДЯ. А однажды мы шли с ним по дороге. Я почему-то запомнил. Просто шли вдвоем и молчали. Уже смеркалось. Фонари оранжевые - в лужах. Я не знаю... Я человек суховатый, но тут вдруг...такую красоту увидел, такую гармонию ощутил, как пьяный, как сумасшедший... Я смотрел под ноги, как под нашими ботинками брызги разлетаются. Красиво. И так вдруг сердце защемило, прямо что-то такое... Я где-то читал, профессор, что счастье – это химическая реакция...что-то вроде кипения крови... такое происходит раз в жизни. Один раз в жизни у каждого человека кипит кровь. Ты должен бежать, как все. Один раз...и я посмотрел на него на Мишу, а у него на лице – красноватые блики, я аж обмер – фараон – фараон перед битвой, фараон, мой брат, и такая гордость меня взяла, такая радость, что мы идем по дороге и брызги от ботинок, и фонари, и я понял, как кровь закипела, как хорошо стало, что все так... У меня есть он, у него – я. Мы – братья. Фараоны. Братья, профессор, это же не просто родство кровное, братья – это что-то былинное, могучее, мистическое... И другого брата у меня нет. Брат – это как третье крыло. Не знаю. Я тогда – в ту ночь - был счастлив. А мы даже словом не обмолвились. Вот так, профессор.

Дядя выпивает.

ДЯДЯ. ...И когда я узнал, что он меня не послушал, что вышел в море, я был такой злой... Я был злой, очень злой, но, клянусь, я и подумать не мог, что он умрет... Это же вообще так просто. Люди умирают. Каждый день. Вот я сейчас говорю вам все это, профессор, а где-нибудь (закрывает глаза) умирает кареглазая старушка... от воспаления легких, и еще ... один мальчик – автокатастрофа, и молодая женщина от рака, и вот...какой-то подросток только что выбросился из окна... Люди умирают. Но чтобы умер он – Миша – это

смешно... Ты должен бежать, как все... В тот день в море выходить было нельзя, нельзя, – никто бы не вернулся, никто. Ни спасательная бригада, ни рыбаки.. Но только не он. Он должен был выплыть, пойти по воде, как Христос. Я не верил, что... И искали...искали...и лодку уже нашли – разбитую в щепки, хотели возвращаться, но я знал, что нужно искать, что он живой...

Выпивает.

ДЯДЯ. Я совершил только одну ошибку. Я должен был взять катер и выйти в море. В шторм. И умереть там. С ним. Вдвоем. Как умирают братья. Но я не хотел умирать! Я хотел дожждаться. Я знал, что Миша вернется! Я хотел дожждаться. Это меня всегда нужно было спасать. Это я всегда был слабым! Я, а не он! Он меня никогда не простит...

Входит Мама.

МАМА. Господи! Давай, Ваня, помоги мне... Нужно его перенести..

Дядя и Мама берут Профессора за руки и ноги и переносят на кровать, стоящую в углу. Сверкает молния.

Входят Гладильщик и Мария. Мария бежит к Профессору.

МАРИЯ. Что случилось?!

ДЯДЯ. Да, ничего... Выпил маленько ваш благоверный... Завтра будет как новый.

МАРИЯ. Но он же никогда так не пил...

ГЛАДИЛЬЩИК. Никогда?

МАРИЯ. Очень редко. Только если что-нибудь случалось... что-то серьезное...что-нибудь не ладится...

Господи! Это все из-за этого утюга! Извините нас...

Снова сверкает молния. Все становится темным. Освещены только лица Гладильщика и Дяди.

ДЯДЯ. Саша, давай выпьем?

ГЛАДИЛЬЩИК. Дядя Ваня, я не могу...

ДЯДЯ. Дядя? Ты говоришь «дядя Ваня»?

ГЛАДИЛЬЩИК. Но ты же мой дядя...

ДЯДЯ. (плачет) Правда?

Дядя обнимает Гладильщика.

ГЛАДИЛЬЩИК. Правда. Прости меня.

ДЯДЯ. (плачет) Не надо!

Снова вспышка молнии. В кругу дрожащего света стоят Мама и Коля в пижаме. Коля крепко обнимает Маму.

КОЛЯ. Мама, мне страшно.

МАМА. Не надо маленький, не бойся, пойдем спать.

КОЛЯ. Мама. Он ко мне плывет. На железной дороге.

МАМА. Кто?

КОЛЯ. Он.

Опять молния. В кругу света - Гладильщик и Мария.

МАРИЯ. Ты же можешь.

ГЛАДИЛЬЩИК. Что?

МАРИЯ. Все изменить. Я помогу. Поехали с нами! Или езжай один. Сделай что-нибудь!

ГЛАДИЛЬЩИК. Зачем?

МАРИЯ. Посмотришь мир.

ГЛАДИЛЬЩИК. Мир слишком большой. Мне нужен остров.

МАРИЯ. Англия – тоже остров.

Затемнение. Молния отсвечивает на лице Профессора. Он говорит сквозь сон.

ПРОФЕССОР. Ты же знаешь. Я вообще не умею... А тебя я люблю. Я не знаю как. Я тебя не понимаю. Я вижу, ты хотела чего-то другого. Как цепь – одно звено за другим...одно за другим... Но я прошу тебя. Не уходи.

Кукольный. Двадцать грамм. Кружева и кринолины... У-у-у... Остайся. Не уходи!

Опять удар молнии. Свет на лицах Гладильщика и Марии.

ГЛАДИЛЬЩИК. (шутливо) Оставайся.

МАРИЯ. Как?

ГЛАДИЛЬЩИК. (смеется) Я не знаю.

МАРИЯ. (смеется) И я не знаю.

ГЛАДИЛЬЩИК. Живешь – как будто листаешь праздничный каталог, но ничего не можешь выбрать...Вот возьми!

Гладильщик протягивает Марии кукольный утюжок.

МАРИЯ. Нет! Ты же обещал!

ГЛАДИЛЬЩИК. Я обещал не продавать. Это подарок! Твои дочки станут гладить им платяца для своих кукол.... Или ты будешь покупать им платяца из немнущейся ткани?

МАРИЯ. Только...

Гладильщик подходит к ней близко-близко.

ГЛАДИЛЬЩИК. Только что?

МАРИЯ. Только не целуй... Пожалуйста. Иначе я не смогу...

Затемнение. Молния. Свет на лицо мамы.

МАМА. Никак не могу объяснить людям, что жить нужно по-человечески.

Опять затемнение и молния. Свет на лице Дяди.

ДЯДЯ. Ты должен бежать, как все.

Раскаты грома – один за другим. Сильный ветер. Рев волн. Дом скрипит и качается. Все ходит ходуном.

Молнии сверкают. Звук ливня.

Темнота.

АКТ 4

Берег моря. Гладь воды спокойна. Лодка. В лодку погружают чемоданы Мария, Профессор, Дядя и Коля.

Мама и Гладильщик стоят на берегу и смотрят.

КОЛЯ (профессору) И вы не купите у нас ни одного утюга?

ПРОФЕССОР (с головной болью) Не куплю.

КОЛЯ. Но почему?

ПРОФЕССОР. Они мне не нужны.

МАМА. (чуть не плачет) Ну, ничего, ничего... Может как-нибудь еще приедете...

МАРИЯ. Может быть...

ДЯДЯ. Садитесь-садитесь... нужно спешить...

МАРИЯ. Ну, до свидания...

МАМА. До свидания, Машенька...

МАРИЯ. До свидания, Коля...

КОЛЯ. Угу...

Профессор пожимает руку Гладильщику и Коле, целует руку Маме и садится в лодку – рядом с Дядей. Дядя выглядит бодро, хоть и немного печально. Профессор явно испытывает жестокое похмелье. Мама, словно, вспомнив о чем-то, убегает. На берегу остаются только Гладильщик и Мария. Они долго смотрят друг на друга.

МАРИЯ. Ну... Пока?

ГЛАДИЛЬЩИК. Пока.

Мария садится в лодку. Дядя заводит мотор. Они отплывают от берега. Это выглядит так, словно лодка поднимается в небо, а Коля и Гладильщик остаются на земле. Внезапно появляется мама с чемоданом.

МАМА. Машенька! Вы забыли свои шарфы!

МАРИЯ. Ничего! Оставьте их себе! На память!

ГЛАДИЛЬЩИК. Пойду-ка я домой! - сказала она. - Ночной воздух вреден моему горлу!

Гладильщик выхватывает чемодан у Мамы из рук и бежит в сторону дома. За ним убегает Коля. Лодка медленно кружит над зрительным залом. Мама плачет.

КОЛЯ. Ну, мамочка, ну не надо...

Слышится музыка. Она напоминает гимн и одновременно вальс... Внезапно на всех флагштоках у дома Гладильщика поднимаются флаги – это шифоновые шарфы Марии. Розовый, зеленый, красный, голубой, желтый, фиолетовый....

На крыше дома появляется Гладильщик. У него в руках флажки. Он передает сигналы.

МАРИЯ (дяде) Что он говорит?

ДЯДЯ. Да, какой-то сумбур...

МАРИЯ. Какой сумбур?!

Дядя медленно по буквам расшифровывает каждый знак Гладильщика.

Его слова гремят раскатами эха.

Н Е Ж Н О С Т Ь

С Л А Б О С Т Ь

Б Е З О Б Л А Ч Н О С Т Ь

Б Е З В О З В Р А Т Н О С Т Ь

Дядя: Сумбур

Шарфы колыхнутся на ветру. Под крышей дома заводится оранжевая кукушка и кукует.

Занавес.